

«Захватывающая, красивая
и умная книга надолго останется в вашей памяти»
Джон Грин, автор романа «Виноваты звезды»

Э. ЛОКХАРТ
**ВИНОВАТА
ЛОЖЬ**

Эмили Локхарт

Виновата ложь

«Mainstream (АСТ)»

2014

Локхарт Э.

Виновата ложь / Э. Локхарт — «Mainstream (АСТ)», 2014

ISBN 978-5-17-086786-8

В этой книге вы найдете: чудесную семью Синклер, живущую на частном острове, обдуваемом ветрами. Четверых друзей, верных друг другу, несмотря ни на что. Много остроумных подшучиваний. И отчаянную истинную любовь. А также... семейные тайны, галлюцинации, ужасающий несчастный случай и золотых ретриверов. Этот роман напряженный и романтический. Это современная, запутанная история-саспенс. Это блестящий роман.

ISBN 978-5-17-086786-8

© Локхарт Э., 2014
© Mainstream (АСТ), 2014

Содержание

Часть первая	8
Часть вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эмили Локхарт Виновата ложь

E. Lockhart
WE WERE LIARS

Copyright © 2014 by E. Lockhart
Map and family tree art © 2014
by Abigail Daker
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается Даниелю

Гаррис Синклер и Типпер Тафт

Клермонт
и Бостон

Кэрри — Уильям Деннис

Бесс — Броди Шеффилд

Пенни — Сэм Истман

Рэд Гейт
и Нью-Йорк

Каддлдаун
и Кембридж

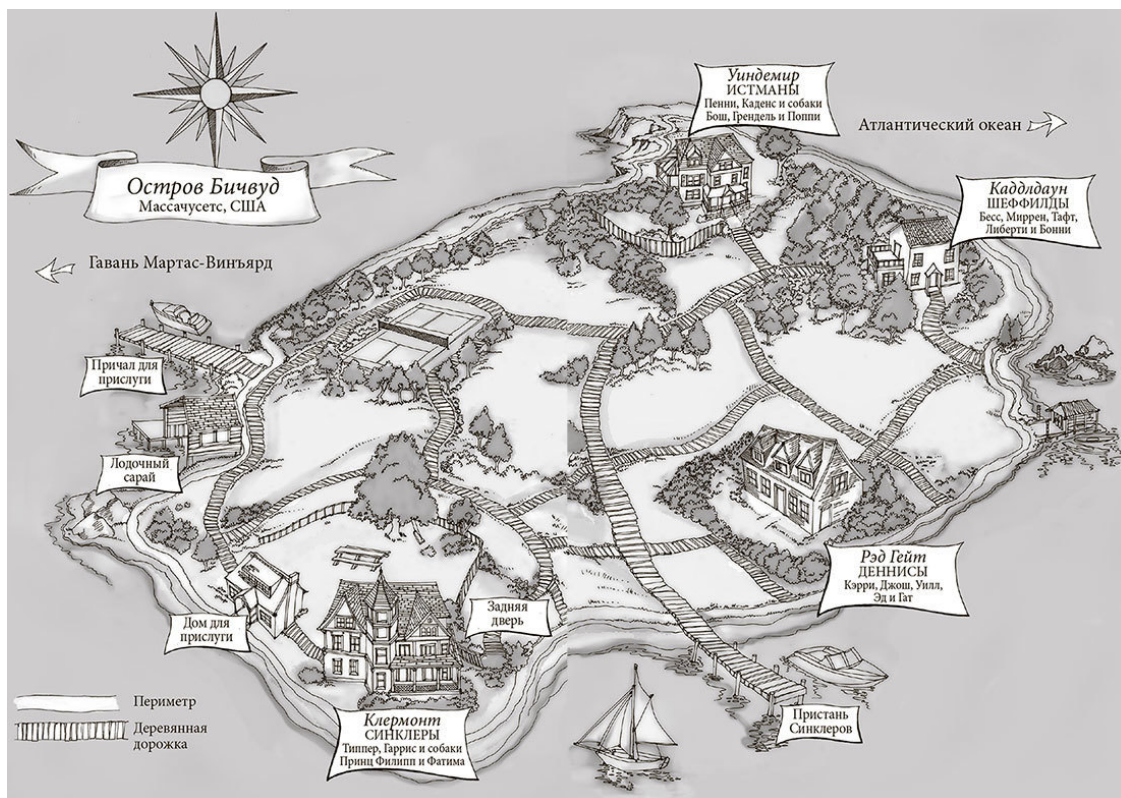
Уиндемир
и Берлингтон

Джонни

Уилл

Миррен
Либерти
и Бонни

Каденс

Часть первая

Добро пожаловать

1

Добро пожаловать в чудесную семью Синклеров.

Здесь нет уголовников.

Нет наркоманов.

Нет неудачников.

Все Синклеры – спортивные, высокие и красивые. Мы – старинное богатое семейство демократов. Наши улыбки – широкие, подбородки – квадратные, а подачи в теннисе – агрессивные.

Не важно, если развод разрывает в клочья наши сердца, так что им едва хватает сил биться. Не важно, если деньги из трастового фонда заканчиваются и неоплаченные счета лежат горой на кухонной столешнице. Не имеет значения, что наши прикроватные тумбочки заставлены пузырьками с таблетками. И даже если один из нас безумно, отчаянно влюбился. Так сильно, что это требует столь же отчаянных мер. Все это не имеет никакого значения.

Мы – Синклеры!

Мы ни в чем не нуждаемся!

Мы всегда правы!

Живем, по крайней мере летом, на собственном острове у побережья штата Массачусетс.

Наверное, это все, что вам нужно знать.

2

Мое полное имя – Каденс Синклер Истман.

Я живу в Берлингтоне, штат Вермонт, с мамой и тремя собаками.

Мне почти восемнадцать.

Я владею только читательским билетом в библиотеку. Вот, собственно, и все. Хотя правда и то, что живу я в большом доме, полном дорогих, но бесполезных вещей.

Когда-то я была блондинкой, но теперь мои волосы черны.

Когда-то я была сильной, но теперь – слабая.

Когда-то я была хорошенькой, но теперь выгляжу больной.

Правда и то, что после несчастного случая я страдаю невыносимой головной болью.

И еще я не выношу глупцов.

Мне нравятся слова с двойным значением. *Переносить* ужасные мигрени. *Не переносить* глупцов. Слово вроде означает то же самое, да не совсем.

Переносить. Можно сказать «терпеть», но и это не вполне точное определение.

Мой рассказ начинается с событий, которые случились незадолго до несчастного случая. В июне – мне как раз исполнилось пятнадцать – отец сбежал с какой-то женщиной, которую он любил больше нас.

Папа был заурядным профессором военной истории. Я его обожала. Он носил твидовые пиджаки. Был худым. Пил чай с молоком. Обожал настольные игры и часто мне поддавался, любил лодки и учил меня плавать на каяках, а еще ему нравились велосипеды, книги и музеи творчества.

Он никогда не любил собак, и то, что он позволял нашим золотистым ретриверам спать на диванах и каждое утро выгуливал их, совершая пятикилометровый моцион, было зна́ком истинной преданности моей матери. Папа не любил и бабушку с дедушкой, но из-за преданности мне и мамочке он проводил каждое лето в доме Уиндемир на острове Бичвуд, сочиняя статьи о давно отгремевших войнах и встречая родственников во время каждой трапезы натянутой улыбкой.

В том июне лета номер пятнадцать отец объявил, что уходит, и через два дня покинул нас. Он сказал маме, что он – не Синклер, и не в силах больше притворяться. А также улыбаться, лгать и быть частью этой прекрасной семьи, живущей в прекрасных домах.

Не может. Не хочет. Не станет.

Он уже вызвал грузовики для перевозки мебели и снял дом.

Отец сложил последний чемодан на заднее сиденье «Мерседеса» (мамочку он оставлял с одним лишь «Саабом») и завел мотор.

В этот момент я почувствовала такую боль, будто он достал пистолет и выстрелил мне в грудь. Я стояла на газоне и упала как подкошенная. Рана в груди была огромной, и мое сердце, вывалившись из грудной клетки, упало на клумбу. Кровь ритмично хлестала из открытой раны, затем потекла из глаз, из ушей, изо рта. У нее был привкус соли и несчастья. Ярко-красный знак того позорного факта, что я нелюбима. Я лежала, и моя кровь заливала траву перед домом, кирпичную дорожку и ступеньки крыльца. Мое сердце форелью билось среди пионов.

Мамочка приказала мне взять себя в руки.

– Быстро приди в себя! – прикрикнула она. – Сейчас же. Веди себя нормально, как положено. Ты справишься!

– Прекрати устраивать сцены, – твердила она мне. – Сделай глубокий вдох и сядь.

Я сделала, как было указано.

Она – все, что у меня оставалось.

Мы с мамочкой высоко держали наши квадратные подбородки, пока папина машина съезжала вниз по склону. Затем мы вернулись в дом и выкинули его подарки: украшения, одежду, книги – все. За следующие дни мы избавились от дивана и кресел, которые родители покупали вместе. Вышвырнули свадебный фарфор, столовое серебро, фотографии.

Мы заказали новую мебель. Наняли декоратора. Выписали столовые приборы от «Тиффани». Провели день, прогуливаясь по арт-галереям, и купили картины, чтобы закрыть пустые места на стенах.

Попросили дедушкиных адвокатов застраховать мамины активы.

После чего собрали вещи и отправились на остров Бичвуд.

3

Пенни, Кэрри и Бесс – дочери Типпер и Гарриса Синклера. Гаррис унаследовал свое богатство в двадцать один год, после окончания Гарварда, и нажил состояние, занимаясь бизнесом, который я никогда не старалась понять. Ему достались дом и земля. Он принимал мудрые решения на фондовом рынке. Женился на Типпер и отдал под ее руководство кухню и сад. Он выводил ее в свет в жемчугах, катал на яхте. Кажется, ей это нравилось.

Единственный дедушкин промах – у него не было сыновей, но не суть. Девочки по фамилии Синклер были загорелыми и счастливыми. Высокие, веселые и богатые – ни дать ни взять принцессы из сказки. Они прославились в Бостоне, Гарварде и на Мартас-Винъярде тем, что носили кашемировые кардиганы и устраивали грандиозные вечеринки. Девушки-легенды. Их ждали принцы, блестящее образование, статуи из слоновой кости в шикарных особняках.

Дедушка и Типпер без памяти любили всех девочек и не могли бы сказать, кто же их любимица. Кэрри, нет, Пенни, нет, Бесс, – и снова Кэрри. Они устроили девочкам феериче-

ские свадьбы в розовых тонах, был выписан ансамбль арфисток, девочки рожали белокурых наследников и заводили забавных золотистых собак. Ни у кого не было таких дочек-красавиц, как у Типпер и Гарриса.

Они построили три новых дома на скалистом частном острове и дали каждому имя: Уиндемир для Пенни, Рэд Гейт для Кэрри и Каддлаун для Бесс.

Я – старшая внучка Синклеров. Наследница острова, богатства и ожиданий.

Наверное, так...

4

Я, Джонни, Миррен и Гат. Гат, Миррен, Джонни и я.

В семье нашу четверку называют «Лжецами», и, наверное, мы этого заслуживаем. Все мы почти ровесники и все родились осенью. Большую часть времени, проведенного на острове, мы только и делали, что хулиганили.

Гат стал приезжать на Бичвуд, когда нам исполнилось по восемь лет. Лето-номер-восемь, на нашем языке.

До этого Миррен, Джонни и я были не Лжецами, а просто двоюродными братьями и сестрами, и Джонни был той еще занозой, поскольку не любил играть с девочками.

Джонни был воплощением сопротивления, упорства и сарказма. Особенно когда устраивал повешенье нашим куклам Барби или стрелял в нас пистолетом из лего.

Миррен – это сладость, любопытство и дождь. В то время она проводила долгие дни с Тафтом и близняшками на большом пляже, пока я рисовала на миллиметровке или читала в гамаке на крыльце дома Клермонт.

И вот однажды провести с нами лето приехал Гат.

Муж тети Кэрри бросил ее, когда она носила брата Джонни – Уилла. Не знаю, что случилось. Семья никогда об этом не говорит. К лету-номер-восемь Уилл был прелестным младенцем, а Кэрри уже жила с Эдом.

Эд был арт-дилером и обожал детей. Это все, что мы узнали о нем, когда Кэрри объявила, что едет с ним, Джонни и малышом на Бичвуд.

В тот момент, когда катер подошел к пристани, большинство народу уже собралось на берегу в ожидании прибытия лодки. Дедушка поднял меня, чтобы я могла помахать Джонни, на котором был оранжевый спасательный жилет. Брант что-то кричал, перегнувшись через нос.

Бабуля Типпер стояла рядом с нами. Она на мгновение отвернулась от вновь прибывших, опустила руку в карман, достала белую мятную конфетку и сунула мне ее в рот.

Когда она снова посмотрела на лодку, то вдруг изменилась в лице. Я прищурилась, чтобы разглядеть, что такого бабушка там увидела.

Кэрри сошла на пристань с Уиллом на руках, прижимая малыша к бедру. Мальчик был в ярко-желтом спасательном жилете; бросались в глаза его белокурые волосы, торчащие во все стороны. Все оживились, увидев Уилла. Этот жилет в нежном возрасте успел поносить каждый из нас. Волосы. Как чудесно, что этот малыш, хоть и совсем незнакомый, определенно был Синклером.

Джонни прыгнул с лодки и бросил свой жилет на пристань. Первым делом мальчишка подбежал к Миррен и пихнул ее, затем меня, затем близняшек. После чего подошел к бабушке с дедушкой и встал по стойке смирно.

– Бабушка, дедушка, очень рад вас видеть. Буду очень рад провести у вас лето.

Типпер обняла его.

– Это мама заставила тебя так сказать, а?

– Да, – ответил Джонни. – И еще: я очень рад снова вас видеть.

– Хороший мальчик.

– Теперь можно идти?

Типпер поцеловала его в веснушчатую щеку.

– Иди-иди.

Эд последовал за мальчиком, но задержался, чтобы помочь прислуге достать из моторной лодки багаж. Он был высоким, худым, с очень темной кожей: индийская кровь, как мы узнали позже. Он носил очки в черной оправе и был облачен в опрятный городской наряд: льняной костюм и полосатую рубашку. Штаны помялись в дороге.

Дедушка поставил меня на землю. Бабуля Типпер поджала губы, так что они превратились в прямую линию. Затем улыбнулась, сверкнув всеми своими зубами, и двинулась вперед.

– Вы, должно быть, Эд? Какой приятный сюрприз.

Он пожал ей руку.

– Разве Кэрри не сказала, что я приеду?

– Конечно, сказала.

Мужчина посмотрел на нашу белую-белую семью. Повернулся к Кэрри:

– А где Гат?

Гата позвали, и он выскочил из лодки, немедленно начав расстегивать ремешки на спасательном жилете.

– Мама, папа, – сказала Кэрри, – мы привезли племянника Эда, чтобы он играл с Джонни. Это Гат Патил.

Дедушка протянул руку и потрепал мальчика по голове.

– Здравствуйте, молодой человек.

– Здравствуйте.

– Его отец умер в этом году, – пояснила Кэрри. – Они с Джонни лучшие друзья. Мы оказали большую помощь сестре Эда, взяв его на пару недель. Гат! Как мы и обещали, ты здесь будешь плавать и управлять лодкой, слышишь?

Но Гат не ответил. Он смотрел на меня.

Аристократический тонкий нос, красивые губы, темно-шоколадная кожа и вьющиеся волосы цвета воронова крыла. Его тело было словно заряжено энергией, Гат, казалось, пружинил от нетерпения, будто ждал чего-то. От этого мальчишки веяло страстью и жадной деятельностью, интеллектом и крепким кофе. Я могла бы смотреть на него вечно.

Наши глаза встретились.

Я развернулась и убежала.

Гат последовал за мной. Я слышала его быстрые шаги позади, на деревянной дорожке, проложенной вдоль всего острова.

Я продолжала бежать. Он догонял.

Джонни кинулся за Гатом. А Миррен помчалась за Джонни.

Взрослые остались на пристани, вежливо окружив Эда и воркуя над малышом Уиллом. Малышня занималась тем, чем положено малышам.

Мы четверо остановились на крошечном пляже у дома Каддлдаун. Это был небольшой песочный участок с огромными валунами с обеих сторон. В то время им почти никто не пользовался. На большом пляже было меньше водорослей, и песок там был мягче.

Миррен скинула обувь, остальные последовали ее примеру. Мы кидали камни в воду. И просто балдели.

Я выводила на песке наши имена.

Каденс, Миррен, Джонни и Гат.

Гат, Джонни, Миррен и Каденс.

Это было начало.

Джонни умолял, чтобы Гат остался подольше, и Гат остался.

В следующем году он молил, чтобы тот приехал на все лето.

Гат приехал.

Джонни был первым внуком, и бабушка с дедушкой почти никогда и ни в чем ему не отказывали.

5

Летом-номер-четырнадцать мы с Гатом взяли небольшую моторную лодку. Это случилось как раз после завтрака. Бесс заставила Миррен играть в теннис с близняшками и Тафтом. В тот год Джонни начал заниматься бегом и наматывал круги по Периметру. Гат нашел меня на кухне в доме Клермонт и спросил, не хочу ли я прокатиться с ними.

– Не очень. – Я хотела вернуться в кровать и почитать.

– Ну пожалуйста! – Он почти никогда и никому не говорил «пожалуйста».

– Прокатись сам.

– Я не могу сам взять лодку, – сказал он. – Мне неудобно.

– Конечно же, можешь.

– Нужно, чтобы был кто-то из вас.

Вот еще глупости.

– Куда ты хочешь отправиться? – спросила я.

– Куда-нибудь подальше от острова. Иногда мне надоедает здесь до чертиков.

Тогда я не могла поверить, что это правда, но все равно согласилась. Мы вырулили в море, надев ветровки и костюмы для плавания. Вскоре Гат выключил мотор. Мы ели фисташки и вдыхали соленый воздух. Солнечный свет сиял бликами на воде.

– Давай искупаемся, – предложила я.

Гат выпрыгнул, и я кинулась за ним, но вода оказалась гораздо холоднее, чем у пляжа, и у нас резко перехватило дыхание. Солнце скрылось за облаком. В легкой панике мы захохотали и закричали, что это была глупейшая затея – лезть в воду. О чем мы думали? Все знали, что вдали от берега водятся акулы.

– Не говори об акулах, умоляю!

Мы начали взбираться по лесенке обратно, пихая друг друга, толкаясь, соревнуясь, кто первым поднимется на борт.

Наконец Гат отплыл в сторону и дал мне подняться первой.

– Не потому, что ты девушка, просто я добрый, – сказал он мне.

– Спасибо. – Я показала ему язык.

– Но если меня сожрет акула, обещаю, что напишешь речь о том, каким я был потрясающим парнем.

– Обещаю, – говорю я. – «Из Гатвика Меттью Патила вышло изысканное блюдо».

Нам было так холодно, что все это казалось безумно смешным. У нас не было даже полотенец. Мы прижимались друг к другу под шерстяным одеялом, касаясь голыми плечами и переплетаясь замерзшими ногами.

– Это чтобы не было переохлаждения, – сказал Гат. – Не подумай, что ты мне нравишься или еще что.

– Я и не думаю.

– Ты перетягиваешь одеяло.

– Прости.

Пауза.

Гат продолжил:

– Вообще-то, ты мне нравишься, Кади. Я не хотел тебя обидеть. Слушай, когда ты успела стать такой красивой? Это отвлекает.

– Я такая же, как всегда.

– Ты изменилась за этот год. А я должен играть роль.

– Ты ведешь какую-то игру?

Гат торжественно кивнул.

– Ничего глупее не слышала! И что за роль?

– Я спокоен и невозмутим. Ничто никогда не может пробить мою броню. Ты разве не заметила?

Я рассмеялась.

– Нет!

– Черт. А я-то думал, это моя фишка.

Мы сменили тему. Обсудили, не взять ли малышей в Эдгартаун в кино, немного поболтали об акулах, неужели они и правда охотятся на людей, о фильме «Растения против Зомби».

После чего решили вернуться на остров.

Вскоре Гат начал одалживать мне книги и часто ранним вечером приходил ко мне на маленький пляж. Или когда я лежала на газоне Уиндемира в окружении наших ретриверов.

Мы вместе гуляли по деревянной дорожке, огибавшей остров, Гат обычно шел передо мной. Мы говорили о книгах или придумывали фантастические миры. Иногда мы делали несколько кругов, пока не чувствовали, что совсем уже устали и ужасно хотим есть.

По бокам вдоль тропинки рос шиповник – белый и ярко-розовый. У него был слабый сладковатый аромат.

Однажды я посмотрела на Гата, лежащего в гамаке дома Клермонт с книгой, и почувствовала... ну, что он мой. Что он создан именно для меня.

Я тихо устроилась рядом с ним в гамаке. Вытащила из его пальцев ручку – он всегда читал с ручкой – и написала «Гат» на тыльной стороне его левой руки и «Каденс» – на правой.

Гат взял у меня ручку и написал «Гат» на тыльной стороне моей левой руки, а «Каденс» на правой.

Я не говорю, что это была судьба. Я не верю в неизбежность, родственность душ и вообще в сверхъестественное. Просто хочу сказать, что мы понимали друг друга. Во всем.

Но нам было всего по четырнадцать. Я еще никогда не целовалась с мальчиком, хотя исправила этот недочет в следующем учебном году, и мы почему-то не называли наше чувство любовью.

6

Летом-номер-пятнадцать я приехала на остров неделей позже, чем остальные. Папа бросил нас, и мы с мамочкой занялись новой обстановкой, консультировались с декоратором и все прочее.

Розовощекие Джонни и Миррен встретили нас на причале – с длинным списком планов на лето. Они устраивали семейный турнир по теннису и собирали рецепты мороженого. Мы хотели поплавать на лодке и устроить костер.

Малышня, как всегда, с криками носилась вокруг. Тетушки вежливо улыбались. Когда суета в честь нашего приезда улеглась, все отправились в Клермонт на коктейль.

А я в поисках Гата пошла в Рэд Гейт. Этот дом был гораздо меньше Клермонта, но при этом с четырьмя спальнями. Здесь Джонни, Гат и Уилл жили с тетей Кэрри – и Эдом, когда он отдыхал с нами, что случалось редко.

Я подошла к двери кухни и посмотрела сквозь сетку. Поначалу он меня не замечал. Он стоял у столика, в какой-то поношенной серой футболке и джинсах. Его плечи были шире, чем я помнила.

Он отвязал сухой цветок, висевший на веревке на окне у раковины. Это был небрежно сорванный ярко-розовый цветок шиповника, чьи кусты растут по Периметру Бичвуда.

Гат, мой Гат. Он сорвал мне розу с нашей любимой тропинки. Высушил ее и ждал моего приезда на остров, чтобы подарить.

Я целовалась уже с тремя парнями, к которым была равнодушна.

Я потеряла отца.

Вернулась на остров из дома, полного слез и лжи, и увидела Гата с розой в руке. В это мгновение – мой Гат, залитый лучами солнца, яблоки на столешнице, запах деревьев и океана – я поняла, что это любовь.

Да, это *была* любовь, она охватила меня с такой силой, и чтобы не упасть, я прислонилась к сетчатой двери, служившей единственной преградой между нами. Мне хотелось коснуться его, как зайчика или котенка, – как мягкое, чудное существо, к которому руки так и тянутся. Вселенная казалась прекрасной, потому что в ней был он. Я обожала дырку у него на джинсах, и грязь на босых ногах, и засохшую корочку на локте, и шрам, рассекающий бровь. Гат, мой Гат.

Тем временем он положил розу в конверт. Затем стал со стуком открывать и закрывать ящики и, отыскав наконец ручку у себя в кармане, стал что-то писать на конверте.

До меня дошло, что Гат пишет адрес, только когда он вытащил марки из выдвижного ящика.

Вот он наклеил марку и написал обратный адрес.

Подарок был не для меня.

Я покинула Рэд Гейт прежде, чем Гат увидел меня, и бросилась назад по Периметру. В одиночестве любуюсь темнеющим небом.

Я сорвала все розы с единственного хилого куста, который попался мне по пути, и выбросила их, одну за другой, в бушующее море.

7

Тем вечером Джонни рассказал мне о девушке Гата в Нью-Йорке. Ее звали Ракель. Джонни даже видел ее. Ведь он живет из Нью-Йорк, как и Гат, но в центре города, с Кэрри и Эдом. А Гат живет в верхней части города, вместе с матерью. Ракель занималась современным танцем и всегда одевалась в черное.

Брат Миррен Тафт рассказал мне о том, что девушка послала Гату коробку домашних брауни. Либерти и Бонни нашептали, что Гат хранит ее фотографии в телефоне.

Сам он вообще о ней не упоминал, однако не встречался со мной глазами.

В ту ночь я много плакала, кусала пальцы и пила вино, которое украла из кладовой Клермонта. Я яростно крутилась в небе, скандаля и сталкивая звезды с их оплотов, чувствуя головокружение и тошноту.

Я ударила кулаком в стену душевой, смывая стыд и злость ледяной водой. Затем я дрожала в кровати, как брошенная собака, казалось, с меня сейчас слезет кожа.

На следующее утро, и все последующие дни, я вела себя *нормально*. Высоко подняв свой квадратный подбородок.

Мы плавали на лодках и жгли костры. Я выиграла в теннисном турнире.

Мы приготовили не один бак мороженого и загорали на маленьком пляже.

Как-то вечером наша четверка решила устроить там пикник. Тушеные мидии, картофель и кукуруза. Всю еду приготовила прислуга. Я не даже знала их имен.

Джонни и Миррен принесли еду прямо на металлических противнях. Мы расселись вокруг пламени нашего костра, масло капало на песок. Затем Гат сделал для всех десерт из зефира с крекерами. Насаживая зефир на палочку, я смотрела на его руки, освещенные пла-

менем. Теперь на тех местах, где мы когда-то писали наши имена, он записывал названия книг, которые хотел прочесть.

В ту ночь у него на левой кисти красовалось: «Бытие и», а на правой: «ничто».

Я тоже написала на руках цитаты, которые мне запомнились. На левой: «Живи», а на правой: «настоящим».

– Хотите узнать, о чем я думаю? – спросил Гат.

– Да, – ответила я.

– Нет, – сказал Джонни.

– Я думаю, как можно называть вашего дедушку хозяином острова? Не юридически, а вразумду.

– Пожалуйста, только не начинай снова о трудностях жизни пилигримов, – простонал Джонни.

– Нет. Я спрашиваю, как мы можем говорить, что земля *принадлежит* кому-то? – Гат обвел рукой пляж, океан, небо.

Миррен пожала плечами:

– Люди всегда торговали землей.

– Может, лучше поговорим о сексе или об убийствах? – спросил мой кузен.

Гат не слушал его.

– А может, земля вообще не должна принадлежать людям. Или права собственности должны быть ограничены. – Он наклонился вперед. – Когда я ездил зимой волонтером в Индию, мы строили там туалеты. Потому что в этой конкретной деревне их просто *не было*.

– Да все в курсе, что ты ездил в Индию, – перебил Джонни. – Уже все уши прожужжал.

Это я и люблю в Гате: он такой энтузиаст, ему так искренне интересен мир, что он не может представить, как это другим могут наскучить его рассуждения. Даже когда ему говорят об этом в лоб. Но ему не нравится и с легкостью уступать. Он хочет заставить нас задуматься о серьезном – даже когда нам неохота.

Гат ткнул палкой в угли.

– Я просто к тому, что это важная тема. Не у всех есть собственные острова. Некоторые люди здесь работают. Другие трудятся на заводах. Есть и безработные. А кто-то голодает.

– Замолчи, надоело! – воскликнула Миррен.

– Заткнись наконец! – сказал Джонни.

– Здесь на Бичвуде мы видим человечество сквозь розовые очки, – проговорил Гат. – Но не думаю, что вы это осознаете.

– Заткнись, – вставила я. – Тогда я дам тебе еще шоколадку.

И Гат замолчал. С перекошенным лицом. Он резко встал и со всей силы запустил камнем. Затем он стянул толстовку, сбросил кроссовки и зашел в море в джинсах.

Разозлился.

Я любовалась игрой его мышц в лунном свете, и вот он нырнул, взметнув фонтан брызг. Гат плыл, а я думала: не поплыву сейчас за ним, и Ракель победит! Не последую за ним, он уйдет навсегда. От «Лжецов», с острова, от нашей семьи, от меня.

Я скинула свитер и зашла вслед за Гатом в море прямо в платье. Бросилась в воду и подплыла к месту, где он лежал на спине. Его волосы были откинuty с лица, открывая тонкий шрам, рассекающий одну бровь.

Я потянулась за его рукой.

– Гат.

Он вздрогнул и встал по пояс в воде.

– Прости, – прошептала я.

– Я ни разу не затыкал тебя, Кади, – сказал он. – Никогда.

– Знаю.

Парень ничего не ответил.

– Пожалуйста, не затыкайся, – сказала я.

И вдруг заметила, как он пожирает глазами мое тело в мокром платье.

– Я слишком много говорю. И всему придаю социально-политический характер.

– Мне нравится, когда ты рассуждаешь, – сказала я, и это была правда: когда я переставала вникать, мне ужасно нравилось.

– Просто все вызывает у меня... – Он сделал паузу. – Наш мир – дрянное место, вот так.

– Да.

– Может, мне стоит... – Гат взял меня за руки и повернул их ладонями вниз, чтобы прочитать слова на тыльной стороне, – ...«жить настоящим» и не заниматься постоянной агитацией.

Мои руки лежали в его холодных мокрых ладонях.

Я задрожала. Раньше мы постоянно держались за руки, но Гат не касался меня все лето.

– Хорошо, что ты так смотришь на мир, – сказала я ему.

Он отпустил меня и снова лег на воду.

– Джонни хочет, чтобы я умолк. И тебе с Миррен я надоел.

Я смотрела на его профиль. Моего Гата из детства больше не было. От этого юноши веяло страстью и жадной деятельностью, интеллектом и крепким кофе. Все это читалось в зрачках его карих глаз, в его гладкой коже, в чуть пухлой нижней губе. Он весь кипел энергией.

– Сейчас я открою тебе секрет, – прошептала я.

– Какой?

Я потянулась и снова коснулась его руки. Он не отнял ее.

– Когда мы говорим «заткнись, Гат», мы вовсе не это имеем в виду.

– Нет?

– Мы хотим сказать, что любим тебя. Ты напоминаешь нам о том, что мы эгоистичные свиньи. А ты от нас отличаешься.

Гат опустил глаза. Улыбнулся.

– Может, это *ты* хочешь сказать, Кади?

– Да, – согласилась я. Мои пальцы бесстыдно скользили по его вытянутой в воде руке.

– Они и вправду пошли купаться! – Закатав штанины, Джонни зашел в воду по щиколотку. – Это же Северный Ледовитый океан! У меня пальцы в ледышки превратятся.

– Не трусь, ты сразу привыкнешь! – крикнул в ответ Гат.

– Seriously?

– Маленький сынок! – дразнил его Гат. – Будь мужчиной и быстро лезь в воду!

Джонни рассмеялся и кинулся вперед. Миррен за ним.

И этот миг был... совершенен.

Ночное небо, нависающее над нами. Гул океана. Крики чаек.

8

В ту ночь мне не спалось.

В полночь я услышала, как меня зовет Гат.

Я выглянула в окно. Он лежал на спине на деревянной тропинке, ведущей в Уиндем-мир. Вокруг него развалились ретриверы, вся пятерка: Бош, Грендель, Поппи, Принц Филип и Фатима. Их хвосты тихонько стучали о землю.

В свете луны они отливали голубым.

– Спускайся, – позвал он.

Я решила.

Свет у мамочки был выключен. Весь остров был погружен во тьму. Мы были одни, не считая собак.

– Подвинься, – скомандовала я. Тропинка была узкой. Когда я легла рядом, моя голая рука коснулась рукава его темно-зеленой охотничьей куртки.

Мы смотрели в небо. Как много звезд! Казалось, галактику охватило празднование; люди улеглись спать, и началась грандиозная отвязная вечеринка.

Я была рада, что Гат не стал умничать и разглагольствовать о созвездиях или уговаривать меня загадать желание. Но я не понимала, что означает его молчание.

– Можно взять тебя за руку? – спросил Гат.

Я молча вложила свою руку ему в ладонь.

– Сейчас Вселенная кажется такой огромной! – сказал он. – Мне нужен кто-то рядом.

– Я рядом.

Большим пальцем он погладил мою ладошку в серединке. Там вдруг соединились все мои жизненные токи, трепещущие при каждом движении его пальцев, прикосновении его кожи.

– Не уверен, что я хороший человек, – сказал он через какое-то время.

– Я тоже в себе не уверена, – ответила я. – Но буду стараться изо всех сил.

– Да. – Гат замолчал на мгновение. – Ты веришь в Бога?

– Отчасти. – Я пыталась задуматься об этом всерьез. Знала, что Гата не устроит шуточный ответ. – Когда случается что-то плохое, я молюсь или представляю, что кто-то наблюдает за мной, слышит меня. Например, в первые несколько дней после папиного отъезда я думала о Боге. Для спокойствия. Но уже давно просто плыву по течению. И пожалуй, в этом нет даже отголоска духовности.

– А я больше не верю, – проговорил Гат. – После поездки в Индию. Из-за ужасающей нищеты. Не могу представить, чтобы Бог позволил такое. Когда я вернулся домой, то начал замечать нищих и на улицах Нью-Йорка. Люди страдают и умирают от голода в одной из самых богатых стран мира. Просто... непохоже, что кто-то оттуда присматривает за ними. А значит, и за мной никто не присматривает.

– Это не значит, что ты плохой человек.

– Вот мама верит в Бога. Она выросла в буддистской религии, но теперь ходит в методистскую церковь. Кажется, она мной не очень довольна. – Гат редко говорил о своей матери.

– Ты не можешь верить только потому, что она тебе велела.

– Нет. Вопрос вот в чем: как быть хорошим человеком, если ты больше не веришь.

Мы смотрели в небо. Собаки зашли в дом через свою маленькую дверцу.

– Ты замерзла, – сказал Гат. – Давай-ка я дам тебе куртку.

Мне не было холодно, но я все равно села. Он тоже. Потом снял свою охотничью куртку и передал мне.

Она была нагрета его телом. Слишком широка в плечах. Теперь его руки были голыми.

Я хотела поцеловать его в этот момент. Но не решилась.

Может, он любил Ракель. Фотографии в его телефоне. Сухая роза в конверте.

9

На следующее утро за завтраком мама попросила меня покопаться в папиных вещах на чердаке Уиндемира и забрать то, что понравится. От остального она избавится.

Уиндемир был неказистым строением с покатой крышей, прямо под которой находились две спальни из пяти. Это был единственный дом на острове с забитым чердаком. У него было большое крыльцо и современная кухня с мраморными столешницами, которые смотрелись совсем не к месту. Комнаты были просторными, и повсюду носились собаки.

Мы с Гатом забрались на чердак, прихватив по бутылочке холодного чая, и устроились на полу. Пахло древесиной. На полу сиял ослепительный квадрат от окна.

Мы и прежде бывали на чердаке.

И все же – мы никогда прежде не бывали на чердаке.

Книги были папиной отдушиной. Спортивные мемуары, захватывающие детективы и рассказы рок-звезд – все написаны стариками, о которых я никогда не слышала. Гат не особо вчитывался в названия. Он сортировал книги по цвету. Красная стопка, синяя, коричневая, белая, желтая.

– Ты разве ничего не хочешь почитать? – спросила я.

– Возможно.

– Как насчет «Первая база. Покинуть пределы»?

Парень рассмеялся. Покачал головой. Выровнял свою синюю стопку.

– «Зажигай с моей темной стороной»? «Герой танцпола»?

Он снова смеялся. Затем стал серьезным.

– Каденс?

– Что?

– Заткнись.

Я позволила себе засмотреться на него. Каждая его черточка была мне знакома, но при этом я словно никогда не видела его раньше.

Гат улыбнулся. Сияя. Застенчиво. Он стал на колени, цветные книжные стопки разъехались в стороны, он протянул руки и погладил меня по волосам.

– Я люблю тебя, Кади. Seriously.

Я наклонилась и поцеловала его.

Он коснулся моего лица. Пробежался рукой по шее и ключице. На нас лился свет из чердачного окна. Наш поцелуй был нежным и электрическим, хрупким и уверенным, пугающим и единственно верным.

Я почувствовала, как любовь потоком течет от меня к Гату и от него ко мне.

Мы были теплыми, но дрожали, мы были юными, но древними, и живыми.

Я думала, это правда. Мы уже любим друг друга.

Уже любим.

10

Нас застучал дедушка. Гат вскочил на ноги. Неловко ступил на рассортированные по цвету книги, разбросанные по полу.

– Я помешал, – сказал дедуля.

– Нет, сэр.

– Конечно, помешал.

– Извини, тут такая пыль, – смущенно встала я.

– Пенни говорит, тут может найтись что-то интересное из чтива. – Дедушка поставил старый плетеный стул в центре комнаты и сел, склонившись над книгой.

Гат продолжал стоять. Ему приходилось нагибать голову под косой крышей чердака.

– Будьте осторожны, молодой человек, – внезапно и резко сказал дед.

– Простите?

– Берегите голову. Вы можете удариться.

– Вы правы, – сказал Гат. – Я могу удариться.

– Так будьте осторожны, – повторил дед.

Гат повернулся и молча спустился по лестнице.

Мы с дедулей с мгновение сидели в тишине.

– Он любит читать, – сказала я в конце концов. – Я подумала, может, он захочет взять какие-то из папиных книг.

– Ты очень дорога мне, Кади, – сказал дедушка, похлопывая меня по плечу. – Моя первая внучка.

– Я тоже люблю тебя, дедуля.

– Помнишь, как я взял тебя на бейсбольный матч? Тебе было всего четыре года!

– Конечно.

– Ты до этого еще не пробовала «Крекер Джек».

– Знаю. Ты купил две упаковки.

– Мне пришлось посадить тебя на колени, чтобы ты видела поле. Ты помнишь, Кади?

Я помнила.

– Ну-ка, расскажи.

Я знала, какого ответа ждал от меня дед. Это вошло у него в привычку. Ему и самому нравилось пересказывать ключевые моменты семейной истории Синклеров, возвеличивая их значение. Он спрашивал, что значит для тебя такое-то событие, и всегда нужно было дать детальный ответ. Точное воспоминание. Как вызубренный урок.

Вообще-то я обожала рассказывать эти маленькие истории, как и слушать их. Овеянные легендами Синклеры, как мы веселились, как мы были прекрасны. Но в тот день мне не хотелось.

– Это был твой первый бейсбольный матч, – подсказывал он. – После я купил тебе красную пластмассовую битку. Ты тренировала свой замах на газоне дома в Бостоне.

Дедушка хотя бы понимал, чему он помешал? Ему что, было наплевать, если он знал?

Когда я снова увижу Гата?

Расстанется ли он с Ракель?

Что произойдет между нами?

– Ты хотела приготовить «Крекер Джек» дома, – продолжал дед, который прекрасно знал, что я помню эту историю. – И Пенни помогла тебе. Но ты расплакалась, когда у нас не оказалось красно-белых коробочек, чтобы упаковать их. Помнишь это?

– Да, дедушка, – сдалась я. – В тот же день ты снова поехал на стадион и купил еще две пачки «Крекер Джек». Ты съел их по пути домой, просто чтобы отдать мне коробки. Я помню.

Довольный, он встал, и мы покинули чердак вместе. Дедушка спускался неуверенно, поэтому положил руку мне на плечо.

Я нашла Гата на нашем месте на тропинке и подбежала к нему. Он глядел на воду. Дул сильный ветер, волосы лезли мне в глаза. Я поцеловала его, и губы у него были соленые.

11

Бабуля Типпер умерла от сердечного приступа за восемь месяцев до лета-номер-пятнадцать на Бичвуде. Она была эффектной женщиной, даже в старости. Седые волосы, розовые щеки; высокая, худощавая. Это она привила маме любовь к собакам. У нее всегда было минимум два, иногда четыре, золотистых ретривера – с рождения девочек и вплоть до ее смерти.

Она выбирала себе любимчиков, судила не задумываясь, но при этом относилась к нам с добротой. Когда мы были маленькими и отдыхали на Бичвуде, то вставали пораньше, чтобы пойти в Клермонт и разбудить бабулю. В ее холодильнике всегда было наготове жидкое тесто, она быстро разливала его по формочкам и позволяла съесть сколько влезет теплых кексов, пока остальные не проснутся. Бабушка брала нас собирать ягоды и помогала приготовить пирог или пудинг, который мы тут же сметали до последней крошки.

Одним из ее благотворительных проектов была ежегодная вечеринка в пользу Сельскохозяйственного института в Мартас-Винъярде. Мы все на нее ходили. Ее устраивали на улице, в красивых белых палатках. Малыши бегали вокруг в праздничных нарядах, но босоногие. Джонни, Миррен, Гат и я украдкой пили вино, после чего становились глупыми и неуправляемыми. Бабушка танцевала с Джонни, с папой, потом с дедушкой, придерживая рукой подол юбки. У меня была ее фотография с одной из таких вечеринок. На ней было вечернее платье, а в руках она держала поросенка.

Летом-номер-пятнадцать бабули Типпер не стало. Клермонт опустел.

Трехэтажный дом был выполнен в викторианском стиле. Наверху пристроена башенка, а внизу – огромное крыльцо. Внутри полная оригинальная коллекция комиксов «Нью-Йоркера», семейные фотографии, подушки с вышивкой, статуэтки, пресс-папье из слоновой кости, чучела рыб. Везде, везде прекрасные вещицы, приобретенные Типпер и дедушкой. На газоне огромный стол для пикника, за которым помещались шестнадцать человек, а неподалеку – качели из шины, подвешенной на большой магнолии.

Бабуля обычно суетилась на кухне и планировала наши выходы в свет. Она шила одеяла в мастерской, гудение швейной машинки отдавалось по всему первому этажу. Надев садовые перчатки и синие джинсы, она командовала прислугой.

Теперь в доме все время было тихо. Ни книг с рецептами на столике, ни классической музыки из кухонного приемника. Но именно бабушкино любимое мыло лежало во всех мыльницах. Ее цветы росли в саду. Ее деревянные ложки, ее вышитые салфетки.

Однажды, когда никого не было поблизости, я пошла в мастерскую на первом этаже. Коснулась бабушкиной коллекции тканей, блестящих, ярких пуговиц, мотков цветных ниток.

Сначала растаяли голова и плечи, затем бедра и колени. Вскоре я превратилась в лужицу, прямо беда для миленьких отрезков ситца. Из-за меня промокли одеяла, которые она так и не закончила прошивать, заржавели металлические части ее швейной машинки. Слезы лились как из-под крана часа два. Моя бабушка, бабуля! Ушла навсегда, хотя я до сих пор повсюду слышала запах ее духов «Шанель».

Меня нашла мамочка.

Заставила вести себя *нормально*. Потому что я такая. Потому что я Синклер. Она велела сделать глубокий вдох и сесть.

И я послушалась. Как всегда.

Мама беспокоилась о дедушке. После бабушкиной смерти он с трудом держался на ногах, ходил, опираясь на стулья и столики. Он был главой семьи. Она не хотела, чтобы он пал духом. Дедуля должен был знать, что его дети и внуки рядом, сильные и радостные как никогда. Это важно, говорила она; это к лучшему. Не нагнетай страдания. Не напоминай людям о потере.

– Ты понимаешь, Кади? Молчание – защитная пелена от боли.

Я поняла и умудрилась стереть имя бабули из разговора, так же, как раньше имя отца. Не с радостью, так было нужно. За трапезами с тетями, в лодке с дедушкой, даже наедине с мамой – я вела себя так, будто двух самых важных людей в моей жизни никогда не существовало. Остальные Синклеры поступали точно так же. Когда мы были вместе, все широко улыбались. Мы так делали всегда, и когда Бесс бросила дядю Броди, и когда дядя Уильям ушел от Кэрри, когда бабушкина собака Пеппермилл умерла от рака.

Но Гат этого никогда не понимал. Он спокойно упоминал о моем отце – если честно, довольно часто. Папа нашел в нем достойного соперника по шахматам и благодарного слушателя своих скучных военных историй, потому что они проводили много времени вместе.

– Помнишь, как твой папа поймал ведром огромного краба? – спрашивал меня Гат. Или обращался к маме: – В прошлом году Сэм сказал мне, что в сарае для лодок есть нахлыстовый набор для рыбалки; вы его не видели?

Разговор за ужином резко прекратился, когда он вспомнил бабушку. Когда Гат сказал: «Мне так хочется, чтобы Типпер сейчас стояла во главе стола и раздавала всем десерт, а вам? Это было настолько в ее духе!» Джонни пришлось громко заговорить об Уимблдоне, пока тревога не стерлась с наших лиц.

Каждый раз, когда Гат говорил нечто подобное – так непосредственно и искренне, так беспечно, – мне казалось, мои вены вскрываются. Запястья врезаны. Кровь стекала по ладоням. Голова кружилась. Я, шатаясь, уходила из-за стола и изнемогала в тихой, постыдной агонии, надеясь, что никто из своих не заметит. Особенно мама.

Но Гат всегда замечал. Когда кровь капала на мои босые ноги или лилась на книгу, которую я читала, он был добр ко мне. Обвязывал мои запястья мягкими белыми повязками и спрашивал, что стряслось. Он задавал вопросы о папе и бабушке – как будто, если поговорить об этом, станет легче. Будто ранам нужно внимание.

Он был чужаком в нашей семье, даже после стольких лет.

В те моменты, когда я не истекала кровью, а Миррен и Джонни плавали или насмехались над малышкой, или все, валяясь на диванах, смотрели фильмы на клермонтской плазме, мы с Гатом сбегали. Мы сидели на качелях в полночь, наши руки и ноги переплетались, теплые губы грели прохладную кожу. По утрам мы со смехом крались в подвал Клермонта, который был заставлен бутылками вина и энциклопедиями. Там мы целовались и изумлялись нашему существованию, чувствуя себя счастливыми заговорщиками. Иногда Гат писал мне записки и оставлял их с маленькими подарочками под моей подушкой.

«Кто-то написал, что хорошая книга должна постоянно пробуждать изумление. Именно это я чувствую, проведя час с тобой наедине.

Вот, это тебе зеленая зубная щетка с ленточкой. Страшно неадекватное выражение моих чувств.

Прошлый вечер – это было вкуснее шоколада.

Дурак я, ведь раньше думал, что нет ничего лучше шоколада!

В глубоком, символическом жесте я дарю тебе эту плитку шоколада «Вогезы», которую купил тогда в Эдгартауне. Можешь съесть ее или просто сидеть рядом с ней и чувствовать себя самой лучшей».

Я не писала Гату в ответ, но рисовала карандашами смешные рисуночки, изображая нас: человечки-палочки машут, стоя перед Колизеем, перед Эйфелевой башней, на вершине горы, на спине дракона. Он вешал их над своей кроватью.

Он все время старался дотронуться до меня. Под столом за ужином, на кухне, пока никого не было. Тайно, весело, за спиной у бабушки, пока тот стоял за штурвалом моторной лодки. Я не ощущала преград между нами. Тянулась за его рукой, прижимала большой палец к его запястью и чувствовала, как кровь течет по его венам.

12

Однажды ночью в конце июля лета-номер-пятнадцать я пошла поплавать на маленький пляж. Одна.

Где были Гат, Джонни и Миррен?

Понятия не имею.

Мы часто играли в «Эрудита» в Рэд Гейте. Должно быть, они были там. Или в Клермонте, слушали споры тетюшек и поедали крекеры со сливовым повидлом.

В общем, я зашла в воду в маечке, лифчике и трусиках. Судя по всему, в таком виде я и пришла на пляж. Мы не нашли другой одежды на песке. И полотенца тоже.

Почему?

Опять же, понятия не имею.

Должно быть, я заплыла слишком далеко. Неподалеку от берега возвышались скалы, острые и черные; они всегда выглядели зловеще в ночной тьме. Скорее всего, я нырнула и ударилась головой о край скалы.

Как я и сказала, понятия не имею.

Помню лишь одно: я нырнула в океан, к каменному дну, и увидела основание острова Бичвуд; мои руки и ноги онемели, пальцам было холодно. Мимо меня проносились водоросли, а я падала все ниже и ниже.

Мамочка обнаружила меня на песке у самого прибоя, свернувшейся в клубок и наполовину под водой. Я вся дрожала. Меня укутали в одеяла. Унесли в Каддлаун, чтобы я согрелась. Отпаивали чаем и одевали, но я так и не заговорила и не переставала дрожать. И меня отвезли в больницу в Мартас-Винъярде, где я пролежала несколько долгих дней, пока доктора проводили осмотр. Переохлаждение, проблемы с дыханием и, возможно, травма головы, хотя сканирование мозга ничего не показало.

Мама все время была рядом, она сняла номер в отеле. Я помню грустные, серые лица тети Кэрри, Бесс и дедушки. Помню ощущение того, что мои легкие чем-то переполнены, хотя из них уже откачали воду. Помню, как мне казалось, что я никогда уже не согреюсь, даже когда мне сказали, что температура моего тела пришла в норму. Мои руки болели. Ноги болели.

Мамочка отвезла меня домой в Вермонт, чтобы я восстановила силы. Я лежала в темноте и чувствовала дикую жалость к самой себе. Потому что я была больна, а главное, потому, что Гат не позвонил.

И не написал.

Ведь мы любили друг друга?

Разве нет?

Я написала Джонни три глупейших, полных любовной горячки письма по электронке с просьбой сообщить что-нибудь о Гате.

У того хватило ума не отвечать. Мы – Синклеры, в конце концов, а Синклеры так себя не ведут.

Я перестала писать и удалила все письма из отправленных сообщений. Они были символом моей слабости и глупости.

Важно то, что Гат пропал, когда мне было больно.

Важно то, что это был всего лишь летний роман.

Важно то, что он, вероятно, любил Ракель.

В любом случае мы жили слишком далеко друг от друга.

В любом случае наши семьи были слишком близки.

Я так и не получила объяснения.

Просто знала, что он бросил меня.

13

Добро пожаловать в мою черепную коробку.

Грузовик катится по косточкам моей шеи и голове. Позвоночник ломается, мозги лопаются и медленно вытекают. Тысячи фонариков вспыхивают в моих глазах. Мир кренится.

Меня рвет. Я отключаюсь.

И так постоянно. Каждый божий день.

Боли начались через шесть недель после несчастного случая. Никто не знал, связаны ли эти события, но отрицать рвоту, потерю в весе и состояние, близкое к ужасу, было невозможно.

Мамуля сводила меня на МРТ и КТ. Иглы, аппараты. Еще больше игл и аппаратов. Меня проверили на опухоль головного мозга, менингит и так далее. Чтобы облегчить боль мне прописали одни медикаменты, потом другие медикаменты, а потом и третьи – поскольку предыдущие не сработали. Мне выписывали рецепт за рецептом, даже не зная, что со мной. Просто чтобы облегчить боль.

Каденс, говорили доктора, не принимай слишком много.

Каденс, говорили доктора, смотри, а то привыкнешь.

Но все же, Каденс, обязательно пей эти таблетки.

Я побывала на таком количестве консультаций, что даже не могу все припомнить. В итоге врачи поставили диагноз. Каденс Синклер Истман: посттравматические головные боли, также известные как ПТГБ. Мигрень, спровоцированная черепно-мозговой травмой.

Они говорили, что я поправлюсь.

Что я не умру.

Просто мне будет очень больно.

14

После года в Колорадо отец захотел снова меня увидеть. Вообще-то он настоял на поездке со мной по Италии, Франции, Германии, Испании и Шотландии – десятидневное путешествие, начиная с середины июня, значит, летом-номер-шестнадцать я вообще не попаду на Бичвуд.

– Как нельзя вовремя, – радостно сказала мама, пакуя мои чемоданы.

– Почему? – Я лежала на полу спальни и позволяла ей сделать всю работу. У меня болела голова.

– Дедушка хочет перестраивать Клермонт. – Она закатала носки в шарик. – Я говорила тебе об этом уже миллион раз.

Я не помнила.

– С чего бы?

– Он помешан на этой идее. Лето проведет в Уиндемире.

– И ты будешь с ним?

Мама кивнула.

– Он не может остаться у Бесс или Кэрри. Ты же знаешь, за ним нужно ухаживать. Неважно. Зато в Европе ты получишь прекрасное образование.

– Я бы предпочла поехать на Бичвуд.

– Нет, – твердо ответила она.

В Европе меня рвало в специальные ведерки, после чего приходилось неоднократно чистить зубы меловой британской зубной пастой. Я ничком лежала на полу в туалетах разных музеев, чувствуя прохладу плиток под щекой, пока мой мозг плавился и с бульканьем вытекал из ушей. От мигреней моя кровь текла и текла, пачкая простыни отелей, капая на пол, впитываясь в ковер, в остатки круассанов и итальянского печенья с ликером.

Я слышала, как папа звал меня, но не отвечала, пока не начинали действовать таблетки.

В то лето я очень скучала по Лжецам.

Мы никогда не поддерживали контакт во время учебного года. По крайней мере, не особо старались, хотя пробовали, когда были младше. Мы переписывались или отмечали друг друга на летних фотографиях, особенно часто в сентябре, но через месяц неизбежно бросали это дело. Почему-то магия Бичвуда никогда не распространялась на нашу повседневную жизнь.

Нам не хотелось слушать о школьных друзьях, клубах и спортивных командах. Но мы знали, что наша дружба возродится, стоит увидеть друг друга на пристани следующим летом в июне, а также соленые брызги в воздухе, тусклое солнце, отраженное в воде.

Но в год после моей беды я пропускала учебу неделями. Я провалилась по всем предметам, и директор сообщил, что мне придется остаться на второй год. Я перестала играть в футбол и теннис. Больше не могла сидеть с детьми. Или водить машину. Все мои друзья постепенно стали просто знакомыми.

Пару раз я писала Миррен. Звонила и оставляла сообщения, которых позже стыдилась, так отчаянно и одиноко они звучали.

Джонни я тоже звонила, но его голосовая почта была переполнена.

Тогда я решила больше не звонить. Не хотела больше говорить вещи, которые вызывали у меня безумную слабость.

Когда папа повез меня в Европу, я знала, что Лжецы были на острове. Дедушка не проводил связь на Бичвуд, мобильные там не работали, потому я начала писать мейлы. В отличие от моих жалких голосовых сообщений, они были очаровывающими, милыми посланиями от человека без головных болей.

По большей части.

Миррен!

Передаю тебе привет из Барселоны, где папа ел улиток в бульоне.

Наш отель весь в золоте. Даже солонки золотые. По мне, это как-то и красиво, и мерзко.

Напиши мне, что там творит мальшняя, куда ты подаешь документы и встретила ли ты настоящую любовь.

Каденс

Джонни!

Бонжур из Парижа, где папа ел лягушку.

Видела Нику Самофракийскую. Феноменальное тело. Без рук.

Безумно скучаю. Как Гат поживает?

Каденс

Миррен!

Привет тебе из шотландского замка, где отец ел блюдо из бараньей печени. Да, папа съел сердце, печень, легкие овцы, смешанные с овсянкой и варенье в овечьем желудке.

Так что знай, он настоящий сердцеед.

Каденс

Джонни!

Я в Берлине, где папа ел кровяную колбасу.

Поплавайте за меня. Съешьте черничный пирог. Поиграйте в теннис. А потом пришлите отчет. Мне ужасно скучно, и если вы не подчинитесь, я придумаю извращенное наказание!

Каденс

Я не так уж удивилась, когда не получила ответа. Чтобы выйти в Интернет, ты должен доплыть до Виньярда. Но, что важнее, Бичвуд в принципе был отдельным миром. Как только вы туда попадали, вся остальная Вселенная казалась лишь неприятным сном.

Возможно, никакой Европы не существовало вовсе.

15

И снова добро пожаловать в прекрасную семью Синклер.

Мы верим в физкультуру на свежем воздухе. Мы верим, что время лечит.

Мы верим, хотя не будем говорить об этом прямо, в прописанные медикаменты или вечеринки с коктейлями.

Мы не обсуждаем наши проблемы в ресторанах. Мы не верим в открытые проявления чувств. Мы никогда не изгибаем в презрении губы, и, возможно, люди испытывают к нам любопытство, потому что мы никогда не выставляем себя напоказ.

Возможно, нам очень нравится вызывать у людей любопытство.

Здесь, в Берлингтоне, лишь я, мамочка и собаки. Мы не ощущаем влияния бостонского дедушки и не подчиняемся семье, живущей на Бичвуде, но я все равно знаю, какими видят нас люди. Мы с мамой, двое в своем роде, живем в большом доме с крыльцом на вершине холма. Красавица-мать и больная дочь. У нас высокие скулы, широкие плечи. Когда мы ходим по городу, то улыбаемся во весь рот.

Болезненная дочка не особенно разговорчива. Те, кто знают ее по школе, обычно держатся подальше. Впрочем, они не очень хорошо знали ее до болезни. Даже тогда она была тихоней.

Сейчас она пропускает половину уроков. Когда она появляется, ее бледная кожа и блестящие от слез глаза придают ей гламурно-трагический вид, как книжной героине, изнуренной чахоткой. Иногда она в рыданиях падает на пол, что пугает остальных учеников. Даже самые вежливые из них устали водить ее в медпункт.

Тем не менее вокруг нее есть аура загадки, которая останавливает остальных от издевок и отношения к ней как к парии. Ведь ее мать – Синклер.

Конечно, я не ощущаю собственной загадочности, поедая миску куриного супа поздним вечером или лежа под флуоресцентным светом медпункта. В наших с мамой спорах, после папиного отъезда, едва ли есть что-то гламурное.

Я просыпаюсь и обнаруживаю, что она стоит в дверях моей комнаты и смотрит на меня.

– Не пьлся на меня.

– Я люблю тебя. И я забочусь о тебе, – говорит она, положив руку на сердце.

– Ну так перестань.

Если бы я могла закрыть дверь перед ее носом, то так бы и сделала. Но я не могу встать.

В доме я часто нахожу листочки, где записано, какую еду и в каком количестве я ела в тот или иной день: *«Тост с повидлом, но лишь половинка; яблоко и попкорн; салат с изюмом; плитка шоколада, паста. Нехватка жидкости? Или белка. Слишком много имбирного эля»*.

Совсем не гламурно, что я не могу водить машину. Нет ничего загадочного в сидении дома субботними вечерами с книжкой в окружении вонючих золотистых ретриверов. Тем не менее даже я не могу противиться приятному чувству тщеславия, когда меня *считают* загадочной, потому что я – член семьи Синклер, привилегированного клана особых людей, часть большого мифологического дискурса, просто потому, что я тоже из этого клана.

Мама тоже не может.

Мы были воспитаны именно для того, чтобы стать Синклерами. Синклерами.

Часть вторая

Вермонт

16

Когда мне было восемь, папа подарил мне на Рождество комплект книжек со сказками. У них были разноцветные обложки и назывались они: «Книга Желтой феи», «Синей феи», Красной, Зеленой, Серой, Коричневой и Оранжевой. Это было собрание сказок со всего мира, всевозможные варианты знакомых историй.

Почитай их, и услышь эхо одной истории внутри другой, а затем эхо еще одной внутри этой. У многих было одинаковое начало: давным-давно жили-были три...

Три кого-то:

три поросенка,

три медведя,

три брата,

три солдата,

три козленка.

Три принцессы.

После возвращения из Европы я начала писать собственные варианты.

У меня много свободного времени, так что позвольте поведать вам одну историю. Как я уже говорила, это вариант сказки, которую вы не раз слышали прежде.

Давным-давно жил-был король, у которого было три прекрасных дочери.

Когда он постарел, то задумался, какая из них унаследует королевство, ведь ни одна девушка не вышла замуж, и наследников не было. Тогда король решил попросить своих дочерей описать свою любовь к нему.

Он обратился к старшей принцессе:

– Расскажи, как сильно ты меня любишь.

Она сказала, что любит его, как все сокровища королевства.

Затем он обратился к средней принцессе:

– Расскажи, как сильно ты меня любишь.

Она сказала, что ее любовь к нему крепче железа.

Затем король обратился к младшей принцессе:

– Расскажи, как сильно ты меня любишь.

Девушка долго думала, прежде чем ответить. Наконец она сказала, что любит его так же сильно, как мясо любит соль.

– Значит, ты совсем меня не любишь! – разгневался король. Он прогнал свою дочь из замка и поднял за ней мост через ров, чтобы она не могла вернуться.

Младшая принцесса отправилась в лес в одном пальтишке да с буханкой хлеба. Она бродила по зимней непогоде, искала укрытия под деревьями. Наконец принцесса пришла на постоялый двор и нанялась помощницей к повару. Прошли дни и недели, и дочь короля обучилась работе на кухне. В конце концов она превзошла талантом своего наставника, и ее стряпня прославилась по всей земле.

Прошли годы, и ее старшая сестра собралась выходить замуж. Все кушанья для сего празднования готовил повар с постоялого двора.

Вот на стол подали огромную жареную свинью. Это было любимое блюдо короля, но на этот раз его приготовили без соли.

Король отведал кусочек.

Затем еще один.

– Кто посмел подать столь отвратительно приготовленное мясо на свадьбе будущей королевы?! – закричал он.

Младшая принцесса-повар подошла к отцу, но девушка так изменилась, что он ее не узнал.

– Я не подам вам соли, ваше величество, – начала она. – Разве вы не прогнали свою младшую дочь за то, что она сравнила любовь к вам с бесценностью соли?

После этих слов король не только узнал свою дочь, но и понял, что она любила его больше всех.

И что потом?

Старшая и средняя дочери жили с королем все эти годы. Каждую неделю одна из них была его любимицей. Из-за постоянного соперничества девушки отдалились друг от друга. И когда вернулась младшая, король отобрал королевство у старшей, которая только вышла замуж. Она все же не станет королевой. Старшая принцесса пришла в ярость.

Поначалу младшая млела от отцовской любви. Тем не менее вскоре она поняла, что король безумен и одержим жаждой власти. Она обречена до конца своих дней жить со старым тираном, о котором нужно постоянно заботиться. Однако девушка не покинет его, и неважно, что с каждым днем здоровье его ухудшается.

Останется ли она из-за любви к нему, сравнимой с любовью мяса к соли?

Или потому, что он пообещал ей королевство?

Ей трудно понять, в чем разница.

17

Осенью после поездки в Европу я затеяла благотворительный проект. Каждый день я отдаю что-то свое.

Я отправила Миррен старую куклу Барби с очень длинными волосами, из-за которой мы часто ругались в детстве. Джонни получил полосатый шарф, который я любила носить. Ему нравится все полосатое.

Для пожилых членов моей семьи – мамочки, тетусшек, дедушки – коллекционирование красивых предметов – цель жизни. У кого к смерти накопится больше, тот и выиграет.

Что выиграл? Хотелось бы мне знать.

Раньше я любила красивые вещи. Как мама, как все Синклеры. Но теперь не люблю.

Мамуля заполнила наш дом в Берлингтоне серебром и хрусталем, дорогими альбомами и кашемировыми одеялами. Толстые ковры украшают пол, картины местных художников, которых она постоянно скупает, – стены. Ей нравится старинный фарфор, который красуется на видном месте в гостиной. Прекрасный «Сааб» сменился «БМВ».

Все эти символы хорошего вкуса и процветания бесполезны.

– От красоты много пользы, – спорит мама. – Красивые вещи делают дом особенным, создают личную историю. И просто дарят удовольствие, Каденс. Ты когда-нибудь слышала об удовольствии?

Но мне кажется, она врет – мне и себе – о том, зачем ей эти предметы. Дело в том, что радость от новой покупки придает ей, хотя бы на мгновение, чувство власти. Думаю, это поднимает ее статус – дом, полный красивых безделушек, дорогих картин от ее талантливых друзей и ложек от «Тиффани». Антиквариат внушает людям мысль, что пусть мама, окончив

престижный Брин-Мор, всего лишь разводит собак, но у нее есть власть – потому что есть деньги.

Отдаю: свою подушку. Я ношу ее с собой, пока бегаю по городу.

У двери в библиотеку, прислонившись к стене, стоит девушка. У ее ног бумажный стаканчик для мелочи. Она немногим старше меня.

– Хочешь подушку? – спрашиваю я. – Наволочку я постирала.

Она берет ее и садится сверху.

В эту ночь мне было неудобно спать, но это к лучшему.

Отдаю: «Короля Лира» в мягкой обложке, которую я читала, оставшись на второй год, – нашла под кроватью.

Пожертвовала в публичную библиотеку.

Мне не нужно его перечитывать.

Отдаю: фотографию бабули Типпер с вечеринки Сельскохозяйственного института, в вечернем платье и с поросенком на руках.

На пути домой я останавливаюсь у «Гудвила».

– Привет, Каденс, – говорит Патти из-за стола. – Ты просто так заехала?

– Это моя бабушка.

– Она была великолепна, – посмотрела на фотографию Патти. – Уверена, что не хочешь забрать фото? Можешь пожертвовать только рамку.

– Уверена.

Бабушка мертва. Ее фотография ничего не изменит.

– Ты снова заходила в «Гудвил»? – спрашивает мама, когда я возвращаюсь домой. Она нарезает персики специальным ножом для фруктов.

– Да.

– От чего избавилась на этот раз?

– От старой фотографии бабушки.

– С поросенком? – Ее губы дергаются. – Ох, Кади.

– Она была моя, я имела право ее отдать.

Мамочка вздыхает:

– Если отдашь одну из собак, я устрою тебе сладкую жизнь.

Я присаживаюсь на один уровень с собаками. Бош, Грендель и Поппи встречают меня тихим тьяканьем. Они наши семейные собаки, великолепные и воспитанные. Чистокровные золотистые ретриверы. Поппи родила потомство для маминого бизнеса, но щенки и остальные собаки живут с маминым партнером на ферме за Берлингтоном.

– Я бы никогда не смогла, – говорю я.

Шепчу в пушистые собачьи уши, как я их люблю.

18

Если погуглить «травма мозга», большинство сайтов подтвердят, что одно из последствий – выборочная амнезия. Когда мозг травмирован, пациенты редко теряют память. Они не могут вспомнить лишь, как получили травму.

Но я не хочу, чтобы люди знали о моем изъяне. Несмотря на все консультации, сканирования и таблетки.

Не хочу быть инвалидом в их глазах. Не хочу пить еще больше таблеток. Не хочу докторов и обеспокоенных учителей. Клянусь Богом, докторов с меня достаточно.

Вот что я помню с лета, когда произошел несчастный случай:

Как влюбилась в Гата у кухонной двери в Рэд Гейт.

Его розу для Ракель и мой вечер с бутылкой вина, когда я не находила себе места от гнева.

Напускное нормальное поведение. Приготовление мороженого. Игру в теннис.

Зефирный десерт и ярость Гата, когда мы велели ему заткнуться.

Плавание под луной.

Поцелуй с Гатом на чердаке.

Историю про «Крекер Джек» и помощь дедушке, когда он спускался по лестнице.

Качели, подвал, Периметр. Мы с Гатом лежим в обнимку.

Он видит, как я истекаю кровью. Задает вопросы. Перевязывает мои раны.

Остальное я не очень помню.

Я вижу руку Миррен, облупившийся золотой лак на ногтях, как она держит канистру с бензином для моторной лодки.

Мамочка, ее напряженное лицо, когда она спрашивает: «С черным жемчугом?»

Джонни, идущий вниз по лестнице Клермонта в лодочный сарай.

Дедушка, он держится за дерево, его лицо освещено светом костра.

И мы все, четверо Лжецов, смеемся так громко, что у нас кружится голова и почти тошнит. Но что нас так рассмешило? И где мы тогда были?

Я не знаю.

Раньше я спрашивала у мамы о тех подробностях лета-номер-пятнадцать, которые не помнила. Моя забывчивость пугала меня. Я хотела перестать пить таблетки, или попробовать новые, или сходить к другому доктору. Умоляла ее рассказать о том, что я забыла. А как-то поздней осенью – которую я провела, сдавая очередные анализы на смертельные болезни, – мамочка расплакалась.

– Ты спрашиваешь меня снова и снова. Но не запоминаешь, что я говорю!..

– Прости меня.

Она налила себе бокал вина.

– Ты начала задавать вопросы, когда очнулась в больнице. «Что произошло? Что случилось?» Я все рассказала тебе, Каденс, и ты все правильно повторила. Но на следующий день ты спросила снова.

– Прости, – повторила я.

– И до сих пор спрашиваешь почти каждый день.

Это правда, я ничего не помню о несчастном случае. Не помню, что случилось до и после. Не помню приемы у врачей. Я знала, что они были, это было очевидно – мне же поставили диагноз и прописали таблетки, – но почти все лечение прошло мимо меня.

Я посмотрела на мамулю. На ее невыносимо обеспокоенное лицо, блестящие от слез глаза, вялый от алкоголя рот.

– Не спрашивай об этом больше, – сказала она. – Врачи считают, будет лучше, если ты вспомнишь сама.

Я заставила ее рассказать мне все в последний раз и записала ответ, чтобы прочитать его, когда захочется. Поэтому я и могу поведать вам о несчастном случае, когда я отправилась на ночное купание, о скалах, обморожении, проблемах с дыханием и неподтвержденной черепно-мозговой травме.

Больше я никогда не задавала ей вопросов. Мне многое неясно, но, по крайней мере, она перестала пить.

Папа планирует свозить меня в Австралию и Новую Зеландию на все лето-номер-семнадцать.

Я не хочу ехать.

Хочу вернуться на Бичвуд. Хочу встретиться с Миррен и позагорать, планируя наше будущее. Хочу поспорить с Джонни, понырять в море и приготовить мороженое. Хочу разводить костры на берегу маленького пляжа. Хочу валяться в гамаке на крыльце Клермонта и снова стать одной из Лжецов, если это возможно.

Я хочу вспомнить несчастный случай.

Хочу узнать, почему Гат испарился. Не понимаю, почему его не было со мной, когда я пошла плавать. Не знаю, почему я пошла на маленький пляж в одиночку. Почему я плавала в нижнем белье и не оставила одежды на пляже. И почему он бросил меня, когда мне было так плохо.

Я гадаю, любил ли он меня. Любил ли Ракель.

Мы с папой должны улететь в Австралию через пять дней.

Я не должна была соглашаться на это.

Я делаю несчастный вид и начинаю всхлипывать. Говорю маме, что не хочу увидеть мир. Мне нужно повидаться с семьей. Я скучаю по бабушке.

Нет.

Мне станет плохо, если я полечу в Австралию. Снова начнутся сильные головные боли, мне нельзя садиться на самолет. Нельзя есть непривычную еду. Перелет – слишком большая нагрузка. А что, если мои лекарства потеряются?!

Хватит спорить. Поездка уже оплачена.

Утром я выгуливаю собак. Загружаю посуду в посудомойку, потом расставляю ее по полкам. Надеваю платье и крашусь. Съедаю все, что есть на тарелке. Позволяю маме обнять меня и погладить по волосам. Говорю, что хочу провести лето с ней, а не с папой.

Пожалуйста.

На следующий день к нам в Берлингтон приезжает бабушка. Он жил на острове с середины мая, и ему пришлось воспользоваться лодкой, машиной и самолетом, чтобы добраться сюда. Он не навещал нас с тех пор, как умерла бабуля Типпер.

Мамуля забирает его из аэропорта, пока я дома накрываю на стол к ужину. Она купила жареную курицу и гарнир в городском продуктовом магазине.

Дедуля сильно похудел с последнего раза, как мы виделись. Серые волосы пучками торчат вокруг ушей; он похож на старого птенца. Кожа потеряла упругость, живот вывалился – не таким я его помнила. Он всегда казался непобедимым, с сильными широкими плечами и сверкающими зубами.

Дедуля из тех людей, у кого есть девизы. «Нет – неприемлемый ответ», – всегда говорит он нам. И: «Никогда не занимайте места в заднем ряду. Победители сидят впереди».

Мы, Лжецы, раньше только глаза закатывали на такие формулировки: «Будьте решительны; никому не нравятся мямли». Но когда разговоры касались взрослых тем, мы всегда внимали его мудрым словам.

На бабушке клетчатые шорты и мокасины. На его тощих ногах видны гематомы. Он хлопает меня по спине и требует виски с колой.

Пока мы едим, он рассказывает о каких-то своих друзьях в Бостоне. О новой кухне в доме на Бичвуде. Ничего важного. Позже мама моет посуду, а я показываю ему сад за домом. Светит закатное солнце.

Дедуля срывает пион и вручает мне.

– Для моей старшей внучки.
– Не рви цветы, ладно?
– Пенни не будет против.
– Еще как будет.
– Старшей была Каденс, – говорит он, поднимая глаза к небу, не глядя на меня. – Помню, как она приезжала к нам в Бостон. На ней были розовые ползунки, волосенки торчали в разные стороны. Джонни родился через три недели.
– Я тут, дедуля.
– Каденс была старшей, и неважно, что она была девочкой. Я бы отдал ей все. Как отдал бы внуку. Я брал ее на руки и танцевал. Она была будущим нашей семьи.
Я киваю.
– Мы видели, что она – истинная Синклер. У нее были наши волосы, но дело не только в этом. Ее подбородок, маленькие ручки. Мы знали, что она будет высокой. Все мы были высокие, пока Бесс не вышла замуж за этого коротышку, и Кэрри повторила ту же ошибку.
– Ты про Броди и Уильяма?
– Скатертью дорога им, да? – дедушка улыбается. – Все в нашей семье были высокие. Ты знала, что родственники со стороны моей матери приплыли на «Мейфлауэре»? Чтобы хорошенько обустроиться в Америке.
Я знаю, что не имеет значения, что мы приплыли на «Мейфлауэре». Не имеет значения и рост. Или светлый цвет волос. Поэтому я и покрасила волосы: не хочу быть старшей. Наследницей острова, богатства и ожиданий.
Но, вероятно, я все-таки ей являюсь.
Дедуля слишком много выпил после долгого дня в дороге.
– Пойдем внутрь? – спросила я. – Хочешь посидеть?
Он срывает второй пион и вручает мне:
– В знак прощения, моя дорогая.
Я хлопаю его по сторбленной спине:
– Не рви больше, хорошо?
Дедушка наклоняется и касается белых тюльпанов.
– Серьезно, не нужно, – говорю я.
Он резко и с вызовом срывает третий пион. Вручает мне.
– Ты – моя Каденс. Старшенькая.
– Да.
– Что случилось с твоими волосами?
– Я покрасила их.
– Я не узнал тебя.
– Ничего страшного.
Дедушка указывает на пионы в моей руке.
– Три цветка для тебя. Ты достойна трех.
Он выглядит жалко. Он выглядит властно.
Я люблю его, но не уверена, что он мне нравится. Беру его за руку и веду внутрь.

20

Давным-давно жил-был король, у которого было три прекрасных дочери. Он любил каждую из них. И вот когда юные леди достаточно повзрослели, чтобы выйти замуж, ужасный трехголовый дракон напал на их царство, сжигая деревни своим огненным дыханием. Он сжигал посевы и церкви. Убивал младенцев, стариков и всех, кто попался на пути.

Король пообещал руку принцессы любому, кто убьет дракона. Герои и воины появлялись в доспехах, красуясь на резвых конях, вооруженные мечами и луками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.